

Поэт Михаил Куимов живёт в Соликамске, пишет не первый год, активно публикуется. Михаил энергичен, немного авантюрист, регулярно участвует и побеждает в поэтических слэмах, сам их организывает и вообще всячески пытается оживить среду обитания.

«Хребет» — первая книга автора. Она состоит из четырёх стихотворных циклов, первые два из которых — «Бункер» и «По спирали» — скорей всего, стихи разных лет, расставленные в хронологическом порядке. Какой-либо объединяющей их идеи обнаружить не получилось. Самый большой цикл, состоящий из двадцати пяти стихов, — «Двадцать четыре ноября». Антагонистом лирического героя в нём выступает одиннадцатый месяц

календаря. Последний цикл — «Колымские стихи» — написан, как можно догадаться, на Колыме или по следам проживания там. Иллюстрации, выполненные художницей Ольгой Молчановой, не диссонируют с текстами.

Разговор о стихах Михаила Куимова мне хотелось бы начать со следующей сентенции. Искусство, кроме познавательной функции, имеет ещё функцию психотерапевтическую. В первую очередь — для автора. Особенно это относится к поэзии, где в последнее время проговаривание всевозможных душевных (и не только) травм — чуть ли ни основной творческий метод. Именно поэтому чтение стихов — занятие куда более трудоёмкое, нежели их написание.

Большинство начинающих поэтов воспринимают поэзию как некое откровение свыше. Начинающий поэт уверен: первое, что пришло на ум, и есть то самое, «настоящее», «пронзительное», «щмящее». Работа с текстом представляется ему исключительно как необходимость зарифмовать некоторые смутные мысли и чувства, вогнать их в размер или ритм. В этом зачаточном состоянии остаётся подавля-

ющее большинство провинциальных самодеятельных авторов, нашедших себя в искусстве.

Циклы «Бункер» и «По спирали» отмечены присущими начинающим самодеятельным авторам высокопарными оборотами и неряшливостью исполнения. «Вкусив наречия разлив», «соблюдение правил приличий», «утратив бесценный бит», «О воспрянь! Ужаснись и узри...», на мой взгляд, не самые удачные обороты в стихосложении, и у меня, как читателя, вызывают лишь чувство неловкости. Также встречаются факультативные образы и обороты, замена которых не поменяет смысла строк: «роковая долька» легко заменяется на «польку», «то ли зациклился круг» — вообще ни в какие ворота, всё тот же «бесценный бит» заменяется «поблекнет, не заблестит» или «разложится электrolит», «и будущего гранит» может стать и троглодитом, и магнитом, «из прошлого сделай плот» — почему не сразу флот? Последние три примера взяты вообще из одного стихотворения.

Традиционные и набившие уже оскомину образы города, как чуждого и враждебно-

го лирическому герою мира, дождь как метафора плача: всё это, полагаю, хоть раз в жизни использовал каждый из нас, втайне полагая, что эти гениальные строки должны заставить весь мир зарыдать и покаяться.

Более всего все эти атавизмы и рудименты заметны в стихотворении «Льются звуки скрипки Паганини». Приведу его полностью.

Льются звуки скрипки

Паганини.

Оттиски на первородной

глине

Новых лиц видны.

И цветы нежны:

Орхидеи, гиацинты, канны.

Гул земель и рокот океана,

Солнечный кульбит —

Празднество бурлит.

Светотени, плавные

на редкость,

Зрение, утратившее резкость,

Сглаженный рельеф.

Волхв заходит в хлев.

Легкость и воздушность.

И прохлады.

Радостно приветствует

Паллада

Первенца у врат.

Я ей тоже рад.

Новая невинная эпоха,

Выдоха не знавшая и вдоха,

Здравствуй, это я

Из небытия.

Стихотворение целиком состоит из штампов, хотя образы, в первом (и втором) прочтении казавшиеся случайным нагромождением неочевид-

ных метафор, в конце концов, усилием ума и напряжением эмпатии, выстраиваются в систему, и можно найти некую мысль, не новую, но удобоваримую.

Выспренность клише о скрипке Паганини, судить о звуке которой нам не дано по вполне объективным причинам, очень привлекают авторов. Упоминание в тексте Паганини (или Катерины Сфорца, или Моны Лизы, или ещё какой-либо значимой фигуры из истории мировой культуры) приподнимает автора в своих глазах и, кажется, в глазах читателей, сообщая, что мы тоже кое-что понимаем в искусстве. Впрочем, далее идут строфы об оттисках неких лиц на первородной глине, что наводит на мысль об акте творения, то есть Паганини здесь может выступать не как известный музыкант, а как образ Творца, некоего непостижимого идеала, величие которого не должно поддаваться сомнению. Нежные цветы, упомянутые в тексте, скорее всего, для рифмы и размера — это, собственно, и есть те самые оттиски лиц.

Гул земель и рокот океанов в свете упомянутого выше акта творения говорит нам о рождении иного божества, отличного от Паганини-Творца. И если слова «празднество бурлит» вполне понятны: божество появилось на свет, всё вокруг ликует, то предыдущая метафора — «солнечный кульбит» — ставит меня в тупик. Кульбит — это цирковой трюк, переворот с упором на руки. В переносном значении — крутой разворот,

неожиданная смена парадигмы. Что это? Пожалуй, натяну сову на глобус и предположу, что автор имеет в виду, что рождение божества всё вокруг изменит, и потому мир ликует.

«Светотени, плавные на редкость» я оставляю на совести автора. Светотень — это приём живописи, помогающий с помощью тональных переходов передать объём и пространство. Редки ли плавные переходы от светлого к тёмному и наоборот? Разве что в восприятии самого автора, и я готов допустить, что для него все границы резки. Но в таком случае следовало написать «свет и тени», а не «светотени». Ладно, допустим, что это опечатка, попробую воспринять строфу целиком. Вообще свет и тень, плавность рельефа и как бы сбитая резкость контуров присущи кисти Рембрандта, а волхв, входящий в хлев, недвусмысленно намекает о рождении Христа. Не о его ли рождении говорит нам автор. Однако орхидеи, гиацинты и канны если и связаны с мифом о рождестве Христовом, слишком отдалённо, по крайней мере, я связи не вижу.

Но что мы видим дальше? Полотна Рембрандта трудно назвать лёгкими и прохладными (хотя воздушность в них всё же присутствует). Неожиданно возникает Паллада (предположу, что автор имеет в виду всё же античную богиню мудрости, а не её сводную сестру, о которой мы мало что знаем), радостно приветствующая у врат

(эвфемизм женского лона?) некоего первенца. Если первенец — Христос, то почему его приветствует чуждая и даже противная христианству языческая богиня?

И тут возникает главный герой текста, тот, чьё рождение приветствует природа и боги — лирический герой, с которым автор, скорее всего, ассоциирует себя. В последней строфе мы можем всё свести к некому знаменателю: рождение стиха равно рождению поэта. Оттиски лиц в первородной глине — это стихи, и одновременно с этими стихами из врат бытия — оттого и гул земли и ропот океана, появляется поэт, то есть стихотворение — это не только сотворение стихов, но и сотворение самого автора.

Как видите, глубину мысли и некую мораль можно выскоблить из любого текста. Имел ли в виду автор всё то, что попытался вытащить из его текста читатель? Да бог его знает, вполне вероятно, что всё это написано от фонаря. Но Михаил не бездарен, потому мне кажется, что что-то подобное он мог подразумевать, пусть и не отдавая себе отчёт.

Интересно и то, что в тексте мы наблюдаем ярко выраженный сбой ритма. Как правило, такой приём не используют просто так, он должен что-то значить. Торжественность первых двух строк нивелируется поповым «тили-тили-бом» двух вторых. Автор пугается того, обладателем чего вдруг стал, пытается увести в шутку, скоморошество. Почему? Могу предположить, что

наличие богатства подразумевает два варианта развития событий: его преумножение, сопряжённое с усилиями, и его разбазаривание, связанное, соответственно, с безответственной тратой на пустяки. Автору льстит обладание кладом, но готов ли он пустить его в дело?

Сменим угол зрения. Не юношеской даже, а подростковой игрой в смерть и со смертью чуть менее чем полностью наполнен цикл «Двадцать четыре ноября», более зрелый по форме, чем «Бункер», но по содержанию, увы, повторяющий шлягер 90-х «Больно мне, больно, не унять эту злую боль».

Михаил в посвящении недвусмысленно даёт понять, что перенёс потерю близкого человека. И тут возникает один щекотливый момент, который меня всегда очень интересовал. Я не отрицаю, что травма может служить толчком акту творения. Но может ли она быть оправданием этому акту?

Можно лечь на кушетку и доверить свою боль специалисту. Иногда можно рассказать другу (если вы не очень любите этого друга). Можно сделать то же самое не на кушетке, не за рюмкой чая на кухне, а за письменным столом. Но когда вы предлагаете эти записи постороннему читателю, вы уподобляетесь пользователю социальной сети «Одноклассники», который постит чумазых зарёванных малышей или безногих щеночков с подписью «Ставь класс, если у тебя есть сердце». Что на это отве-

тит? «Страшно жить на белом свете, в нём отсутствует уют...»

Особо хочется сказать о заключительном цикле книги. Михаил геолог по образованию, вахтенным методом работает на Колыме. Тяжёлая работа в суровых условиях вечной мерзлоты может стать для него, на мой взгляд, лучшим фильтром, очищающим поэтическую речь от мусора. В «Колымских стихах» он уже пытается победить нарочитую усложнённость, хотя и малоуспешно. Автор остаётся один на один с собой и начинает упрощать структуру своих взглядов на жизнь. Здесь есть только работа и примитивные потребности в еде и отдыхе. Связь с привычным миром фрагментарна и иллюзорна, отчего то, что казалось важным и принципиальным в большом мире, утрачивает важность и принципиальность.

*Всё это больше ничего
не стоит,
А стоило убийственных
трудов.*

Поэзия постепенно возвращается в своё первозданное дикое состояние: она исследует природу вокруг вместе с автором.

*Шагаю по болотному ковру
Вдали от благ и прочих
мракобесий.
Как сбрасывает листья
редколесье,
Так я с себя снимаю мишуру.*

(хотя мне кажется, что вместо «мишуры» здесь лучше смотрелась бы «кожура»).

Автор изо всех сил пытается выпустить поэзию на волю, открывает все окна и двери, гоняет мерзавку полотенцем, чтобы она освободилась сама и освободила его, но чем больше он её гоняет, тем плотнее забивается она в угол клетки. Особенно видно это в соседних стихах — «Мальдяк» и «Просодия снежного проса...». В «Мальдяке» Куимов отталкивает костыли высокого штиля, в «Просодии» поспешно к ним возвращается, хотя в последних двух строках вновь пытается заговорить нормальным человеческим языком.

Увы, даже в самых недурных стихах представленного

сборника (таких как «Цивилизация», «Молодость», «Рождественская история», «Олеся», «Треугольник») поэтическая речь пока лишь имитируется. В имитации нет ничего плохого. Литература вообще безобидное хобби. Мало-мальски начитанный человек способен написать рифмованные и ритмические тексты в любом количестве и на любую тему. Чуть ли не при каждой библиотеке имеется свой литературный «узкий круг, где лиры звук». Но вот парадокс: людей пичкали с детского сада хорошими стихами, а воспринимают они, оказывается, в первую очередь штампы. В литературных конкурсах, на слэмах и

баттлах первые места и зрительские симпатии получают авторы, которые чувствуют, какой штамп нынче в моде. Это тоже талант. Правда, несколько иного рода.

Выход дебютной бумажной книги в современном цифровом мире теперь становится важным событием только для автора, его родных и знакомых. Ни денег, ни славы дебютант не получает. Реакция читателя значительно отсрочена. Не факт, что читатель вообще решит написать автору. Я вот решил — но в этом радости нет ни мне, ни Михаилу.

Алексей Лукьянов